

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Окончаніе ¹⁾).

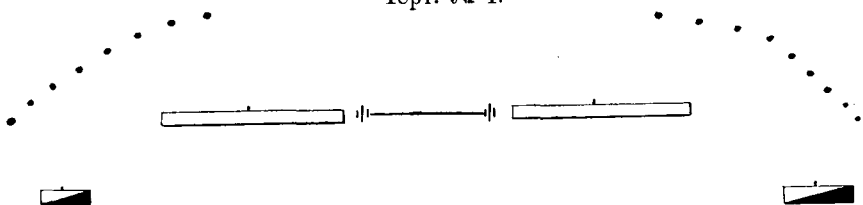

Въ тактическомъ отношеніи дѣйствія нашихъ войскъ въ войну 1808—1809 г. представляютъ интересъ двоякій: историческій, и практическій. Въ историческомъ отношеніи въ эту войну мы должны отмѣтить окончательное водвореніе у насъ типовъ глубокаго и прерывчатаго боевого порядка, во многомъ зависѣвшее отъ тѣхъ условій мѣстности, въ которыхъ приходилось драться въ Финляндіи. Еще въ войны 1805 и 1806—1807 гг. мы видимъ въ отношеніи *боевого порядка* у насъ неустойчивость: наряду съ глубокимъ тиномъ такъ называемой «Наполеоновской» тактики продолжаютъ примѣняться отживающія свой вѣкъ линейныя формы... Въ началѣ войны 1808 года попадаются еще построенія войскъ для боя, являющіяся отголоскомъ этой эпохи, но крайне любопытно, что примѣняются они вполне *сообразно обстановкѣ*. Возьмемъ хотя бы зимній бой при киркѣ *Леппявирта* 28-го февраля 1808 года (см. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 6). Боевой порядокъ, построенный авангардомъ колонны Тучкова I на льду озера Уннукавези, состоялъ изъ *развернутыхъ* баталіоновъ по бокамъ артилеріи, съ конницей уступами за обоими флангами и въ предшествіи егерей.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

Такое построение совершенно отвѣчало условіямъ этого боя: отрядъ *внезапно* развернулъ свои силы на *ровной* ледяной поверхности озера, противъ центра *разбросанныхъ* во кругъ озера по *квартирамъ* шведовъ и энергичнымъ наступленіемъ, въ связи съ искусною демонстраціей баталіона, шедшаго по прежнему пути

Черт. № 1.

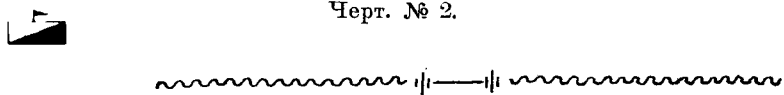

слѣдованія, поселилъ смятеніе въ рядахъ противника, не выдержавшаго атаки и отступившаго, не принявъ удара...

Въ ту же зиму, въ бою 6—18-го апрѣля при Сіикаіюки, Кульневъ, желая скрыть слабость своихъ силъ, дѣлитъ всю свою пѣхоту на 2 группы, одну подъ личнымъ своимъ начальствомъ, другую подъ командою Турчанинова, и безъ остатка разсыпаетъ обѣ тонкою стрѣлковою цѣпью по берегу рѣки Сіикаіюки, пользуясь для удара только конницею Силина, направленнаго по льду на правый флангъ непріятеля.

Но въ данномъ случаѣ Кульневу приходилось волей-неволей вводить противника въ обманъ, въ расчетѣ протянуть бой до подхода главныхъ силъ Тучкова. Рѣшительный образъ дѣйствій Кульнева, какъ извѣстно, настолько импонировалъ шведамъ, что послѣд-

Черт. № 2.

ніе только подъ вечеръ догадались воспользоваться непомерною растяжкой тонкой линіи противника и попытаться, при болѣе чѣмъ тройномъ превосходствѣ силъ, прорвать его центръ, что удалось только на половину...

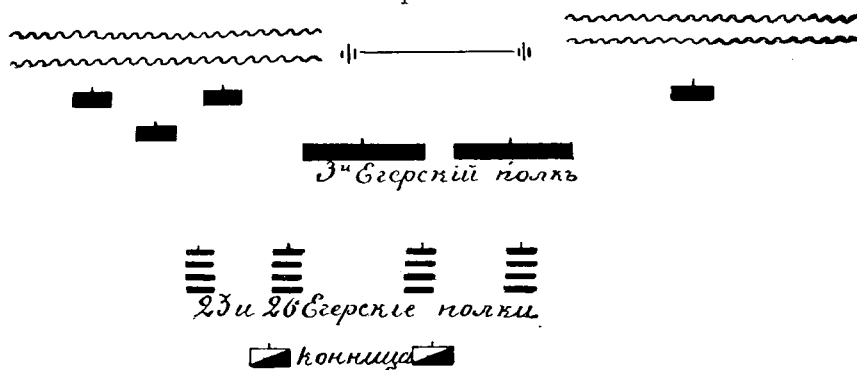
Во время лѣтней кампаніи 1808 года, когда войскамъ пришлось дѣйствовать уже на сравнительно болѣе тѣсномъ пространствѣ открытыхъ мѣстъ, не захватывая примыкающихъ водъ, позволявшихъ свободнѣе разворачиваться и маневрировать, боевые порядки постепенно углубляются, а затѣмъ пріобрѣтаютъ характеръ весьма

близкій къ современному, отличаясь только интервалами и дистанціями, зависящими, очевидно, отъ техническихъ свойствъ оружія..

Такъ, въ бою при Алаво 5-го августа, соединенные авангарды гр. Каменскаго, бывшіе подъ начальствомъ, одинъ—Сабанѣва, а другой—Эриксона, въ виду тѣсноты открытаго пространства между лѣсомъ и озеромъ Ала-ярви, построены были передъ боемъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ поддержекъ: сперва двойныя цѣпи стрѣлковъ, съ артилеріей въ срединѣ, затѣмъ,—развернутыя роты и баталіоны въ видѣ частныхъ поддержекъ, далѣе — колонны, и наконецъ конница.

Здѣсь интересно, что крѣпкую отъ природы позицію, но не дававшую возможности развернуть достаточно силъ по фронту, мы стараемся тѣмъ не менѣе превратить въ возможно менѣе доступ-

Черт. № 3.

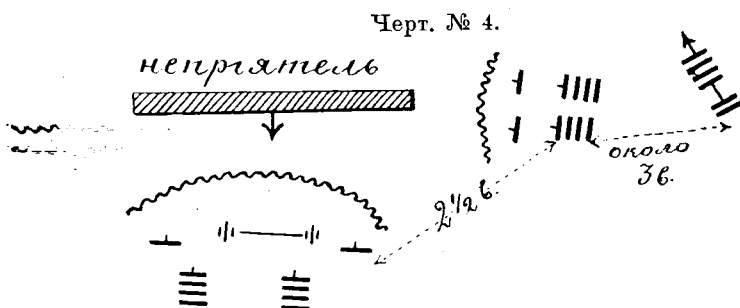
ный для фронтальной атаки огневой барьеръ: стрѣлковыя цѣпи—ярусныя, за ними—поддержки въ развернутомъ строѣ, а резервы еще далѣе позади, укрыто, въ колоннахъ, имѣя въ виду примѣнить ихъ для активнаго отраженія удара. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ единовластія въ этомъ бою, онъ вышелъ для насъ неудачнымъ, и непріятельскій прорывъ нашего фронта не былъ опрокинутъ колоннами нашихъ резервовъ, уже начавшихъ отступление изъ за угрозы обходомъ черезъ лѣсъ...

Въ этомъ боевомъ порядкѣ преобладаетъ идея *пассивности*; резервы уже чрезмѣрно нагромождаются въ глубину, что какъ видно не достигаетъ цѣли, такъ какъ использовать ихъ такъ и не пришлось: имъ некуда было маневрировать (см. планъ сраженія при Алаво, стр. 11-я, № 2 «Военнаго Сборника» за 1909 годъ).

Наоборотъ, въ бою при Карстула, разыгранномъ почти одновременно Властовымъ, уже видимъ расчлененіе боевого порядка

на отдѣльныя самостоятельно маневрирующія группы, изъ коихъ каждая выполняетъ свою опредѣленную задачу. Самъ Властовъ атакуетъ позицію шведовъ съ фронта (3 бат. 5 ор.), 3 баталіона съ 2 орудіями Лукова, сдѣлавъ обходъ лѣсомъ, ударяють въ ея лѣвый флангъ, а 1½ баталіона Римана выходятъ въ тылъ позиціи на единственный путь отступленія противника (см. чертежъ на стр. 14-й кн. 2-й «Военнаго Сборника» за 1909 годъ).

При этомъ Луковъ отдѣленъ отъ Властова непроходимымъ пространствомъ около 2-хъ съ лишнимъ верстъ (озеро) а Риманъ слѣдуетъ по дорогѣ верстахъ въ 3-хъ западнѣе и выходитъ на путь отступленія непріятеля верстахъ въ шести за его позиціей.

Здѣсь уже, какъ видно, приходится, подъ давленіемъ условій *мѣстности*, дѣлить боевой порядокъ на тѣ же части, на которыя онъ дѣлится при современныхъ условіяхъ боя. Здѣсь въ зародышевомъ видѣ, нельзя не усмотрѣть современной идеи *маневренного резерва*, т. е. свободно маневрирующаго участка боевого порядка, вводимаго въ бой въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для противника направленіи только по соответственномъ назрѣваніи боя на фронтѣ...

Еще ярче видна эта чисто современная идея въ бою при Курортане (см. стр. 21-я той же книжки «Военнаго Сборника»). Здѣсь графъ Каменскій распредѣляетъ свои силы на двѣ отдѣльныя *самостоятельныя* группы. Кульневу поручено атаковать съ фронта наиболѣе сильный участокъ шведской позиціи, между большимъ Курортанскимъ озеромъ и озеркомъ Нисо, къ тому же сильно укрѣпленный. На Раевского (*большая* часть пѣхоты отряда, 8 баталіоновъ, 2 орудія въ разобранномъ видѣ) возложенъ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, черезъ труднопроходимый болотистый и каменистый лѣсъ. За Кульневымъ оставленъ трехбаталіонный резервъ Демидова. Такимъ образомъ, здѣсь уже мы видимъ оба рода резервовъ,

признаваемыхъ современной тактикой: резервъ *маневренный* (иначе—*ударное крыло*), въ данномъ случаѣ—отрядъ Раевского и резервъ старшаго начальника—3 баталіона Демидова.

Независимо того, былъ еще небольшой отрядъ Козачковскаго, слѣдовавшій безопасными для себя путями (за Куортанскимъ озеромъ) въ тылъ непріятельской позиціи, гдѣ онъ и сыгралъ существенную роль на другой день, въ Сальмисскомъ бою...

Самый характеръ боевыхъ дѣйствій на фронтѣ и на ударномъ участкѣ—различный. Также, какъ и теперь, войска, дѣйствующія съ фронта, стремятся *приковать* къ себѣ обороняющагося и дѣйствуютъ преимущественно *огнемъ*. Это особенно отчетливо видно въ Куортанскомъ сраженіи, являющемся, безспорно, самымъ типичнымъ въ смыслѣ специально-финляндскихъ мѣстныхъ особенностей. Дѣйствительно, занятая шведами позиція у деревни Руона имѣла съ фронта—сильное препятствіе (болотистую долину рѣчки), съ одного фланга была обезпечена безусловно, а на другомъ, достаточно надежно защищена.

Первоначально, кромѣ Раевского, на лѣвый флангъ шведовъ, по расчетамъ Каменскаго, долженъ былъ выйдти еще и Луковъ (подкрѣпленіе, высланное изъ отряда Властова); это давало бы Раевскому еще большій перевѣсъ въ силахъ, а кромѣ того, въ силу направленія пути слѣдованія Лукова, онъ долженъ былъ появиться какъ разъ на флангѣ непріятельской позиціи. Въ дѣйствительности Луковъ запоздалъ и могъ принять участіе только въ бою 21-го августа у Сальми.

Боевой порядокъ каждой изъ обѣихъ вышеупомянутыхъ группъ, — Кульнева и Раевского — неодинаковъ. На первомъ боевомъ участкѣ, какъ огневомъ, войска Кульнева были почти цѣликомъ разсыпаны и вели стрѣлковый бой, совмѣстно съ ожесточеннымъ огнемъ артилеріи, обстрѣливавшей главныя части непріятельской позиціи. На второмъ—отдѣльныя (ротныя) колонны, прикрытыя съ фронта слабою стрѣлковою цѣпью. И здѣсь бой ведется преимущественно холоднымъ оружіемъ...

Куортанскій бой даетъ наиболѣе полный образецъ сообразной съ обстановкой дружной взаимной работы, какъ отдѣльныхъ группъ боевого порядка, такъ и родовъ войскъ...

Участокъ Кульнева не только приковываетъ своимъ огнемъ противника на фронтѣ, но порою содѣйствуетъ этимъ огнемъ работѣ важнѣйшаго правофланговаго участка. Раевскій стремится сосредоточить свой ударъ на опаснѣйшемъ для шведовъ пунктѣ,

крайнемъ лѣвомъ ихъ флангѣ, куда къ тому же ожидался подходъ и отряда Лукова; когда же противникъ, правильно оцѣнивая важное значеніе *стайки* между обоими нашими боевыми участками, сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы вырвать изъ нашихъ рукъ деревеньку Херроя, получившую съ этого момента боя значеніе и тактическаго, и стратегическаго ключа нашего расположенія, наши предводители, тотчасъ же уловивъ этотъ опасный для насъ замыселъ, устремляютъ всѣ усилія на то, чтобы удержать этотъ важный пунктъ за собою. Въ этой борьбѣ за деревню Херроя особенно ярко проявляется у насъ взаимная поддержка. Не будучи въ состояніи ничѣмъ инымъ *успѣть* помочь Раевскому, Каменскій бросаетъ на выручку три эскадрона въ конномъ строю, которые удачно проскакиваютъ подъ огнемъ и одною *внезапностью* своего появленія удерживаютъ шведовъ въ окопахъ отъ новой контръ атаки. Къ сожалѣнію, наша регулярная конница въ то время утратила свою исконную способность къ самостоятельности, не была ни вооружена, ни обучена для дѣйствія въ пѣшемъ строю. Будь иначе, ея содѣйствіе пѣхотѣ проявлялось бы въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, гораздо болѣе чувствительно, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, когда, въ сущности, свелось къ одному только *моральному* впечатлѣнію. Ибо мѣстность въ Финляндіи почти нигдѣ не даетъ возможности произвести конную атаку, даже съ мѣста...

Куортанскій бой завершился, какъ извѣстно, лишь отбитіемъ шведовъ обратно на ихъ позицію. Неуспѣхъ выполненія задуманнаго нами плана зависѣлъ отъ естественныхъ свойствъ непріятельской позиціи. Озеро Нисо съ протекающей черезъ него болотистой рѣчкой, разобшало оба нашихъ боевыхъ участка и препятствовало, какъ поддержанію связи между ними, такъ и свободѣ маневрированія войскъ Кульнева, лишенныхъ возможности оказать ударному крылу содѣйствіе иначе, какъ только огнемъ...

Оровайскій бой даетъ примѣръ послѣдовательнаго введенія въ дѣло эшелоновъ и построень преимущественно на началѣ духовномъ. Здѣсь Каменскій, въ виду критическаго положенія дѣла, примѣняетъ крайнее средство, наэлектризовывая послѣдніе бывшіе въ его рукахъ резервы личнымъ воздѣйствіемъ и присутствіемъ и вырывая побѣду изъ рукъ уже торжествовавшего врага сокрушительнымъ лобовымъ ударомъ, успѣхъ котораго обоснованъ былъ, главнымъ образомъ, на *внезапности появленія свѣжихъ войскъ*...

Подъ Севаромъ тотъ же Каменскій даетъ примѣръ тактической воспріимчивости; онъ пользуется починомъ частнаго начальника, случайно обнаружившаго возможность воспользоваться раздѣленіемъ силъ противника на двѣ группы, уже прикованныя атакой на нихъ съ нашей стороны, и проникнуть неожиданно *въ разрывъ* между ними, сдѣлавъ отчасти то же, что пытались сдѣлать сами шведы подъ Куортане. Но наши войска атаковали здѣсь, поддерживая все время огневую связь, тогда какъ подъ Севаромъ обѣ шведскія группы, вовлеченныя въ борьбу съ нашими раздѣльно наступавшими отрядами, оторвались на нѣсколько верстъ другъ отъ друга, даже не наблюдая образовавшійся промежутокъ... ¹⁾

Сходство тактическихъ пріемовъ, примѣненныхъ на поляхъ битвъ 1808—09 г., съ современными тенденціями, зависитъ, какъ намъ думается, отъ однородности причинъ, ихъ вызвавшихъ. Въ настоящее время *сила современного огня* дѣлаетъ фронтальный бой затяжнымъ и, такъ сказать, взаимно уравнивающимся, въ силу чего *рѣшенія* приходится искать почти исключительно на флангахъ или даже въ тылу... Въ финляндской войнѣ то же самое создавала *мѣстность*; труднодоступность позицій съ фронта, при ограниченномъ до-нельзя обстрѣлѣ, давала и при скромной technikѣ того времени возможность образовать передъ фронтомъ позицій такой неодолимый огневой барьеръ, что только въ исключительныхъ случаяхъ возможно было добиться рѣшенія при помощи лобовой атаки... Наоборотъ, даже простая *угроза* пути отступленія—обыкновенно единственному и притомъ прегражденному тѣснинами разнаго рода, часто имѣла болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ самыя энергичныя и настойчивыя усилія на флангѣ...

Послѣднее,—т. е. чрезмѣрная чувствительность съ тыла, особенно сильно проявлявшаяся у шведовъ,—зависѣла еще и отъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ, при бѣдности путей, достаточно было иной разъ перехватить одну только дорогу, чтобы поставить противника въ безвыходное положеніе... А зависимость отъ тыла, при трудности полагаться на мѣстныя средства, даже для небольшихъ отрядовъ была чрезвычайно велика... Этимъ объясняется, на примѣръ, преждевременное отступленіе шведовъ въ бою при Салми, подъ угрозой появившагося у нихъ въ тылу смѣхотворнослабаго отряда Козачковскаго...

Огневой бой на фронтѣ обыкновенно завязывался авангардомъ,

¹⁾ Интересно сравнить этотъ бой съ Тюренченомъ.

причемъ послѣдній нерѣдко цѣликомъ разсыпался въ стрѣлковую цѣпь, огонь которой поддерживался артилеріей. Такое вливаніе въ разсыпной строй цѣлыхъ частей, какое мы выше отмѣтили въ дѣйствіяхъ Кульнева при Сікаіюки, наблюдалось у насъ нерѣдко въ періодъ завязки боя, причемъ обычно было увлеченіе растяжкою боевого порядка, тонкая линія котораго, естественно, соблазняла *прорывомъ*... Такъ именно поступилъ противникъ подъ конецъ боя у Сікаіюкъ; точно также дѣйствовалъ онъ подъ Оровайсомъ, гдѣ одержанный имъ успѣхъ былъ, на подобіе Маренгскаго сраженія, внезапно вырванъ подоспѣвшимъ къ полю битвы и брошеннымъ на торжествующаго врага послѣднимъ эшелонемъ войскъ графа Каменскаго, сыгравшимъ роль резерва.

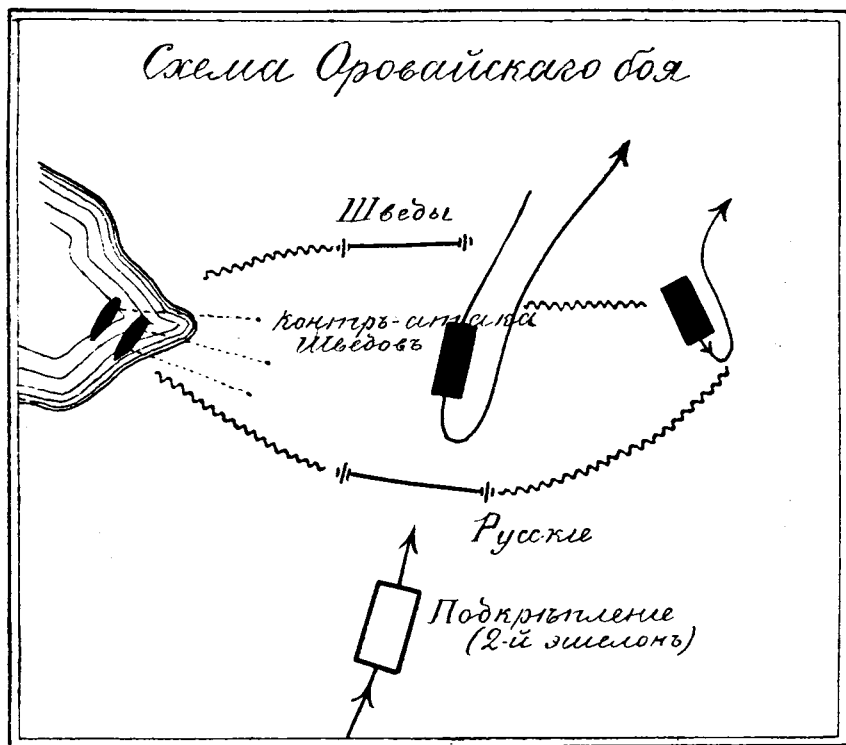
Разсыпаніе по фронту цѣлыми ротами и даже баталіонами плечо къ плечу приводило къ тому, что, по основнымъ своимъ свойствамъ, такая длинная и громоздкая стрѣлковая линія приближалась къ типу линейнаго боевого порядка, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за недостаткомъ войскъ, не оставалось сзади сомкнутыхъ частей для поддержки и для обезпеченія фланговъ. Послѣдніе удавалось большею частью оберегать, упирая ихъ въ недоступныя преграды (напримѣръ, морской берегъ подъ Оровайсомъ на лѣвомъ флангѣ) или же дѣйствуя самимъ активно на томъ именно флангѣ, который доступенъ и, такъ сказать, предупреждая противника; за то опасность прорыва, при всей труднодоступности мѣстности, увеличивалась всегда прямо пропорціонально растяжкѣ, вызываемой тяготѣніемъ къ охвату наиболѣе доступнаго фланга противника. Типичнымъ въ указанномъ отношеніи примѣромъ служить бой подъ Оровайсомъ. Здѣсь преждевременное введеніе нетерпѣливымъ Кульневымъ въ бой авангарда привело къ тому, что послѣдній, со включеніемъ затѣмъ перваго нашего эшелона — бригады Демидова — весь образовалъ длинную и тонкую стрѣлковую линію безъ всякихъ поддержекъ. Наклонность же наша во всякомъ бою дѣйствовать *непремѣнно съ самаго начала наступательно* — особенно свойственная тому же Кульневу — обусловила собою еще болѣе опасную и соблазнительную для противника растяжку, вслѣдствіе стремленія нашего *охватить* лѣвый флангъ шведовъ ¹⁾.

«Всѣ войска наши были разсыпаны въ стрѣлки, подвигались понемногу впорядъ и начинали обходить позицію справа» пишетъ Михайловскій-Данилевскій (стр. 251).

¹⁾ См. планъ, приложенный къ № 2 «Военнаго Сборника» за 1909 годъ.

Контръ атака шведовъ была направлена какъ разъ въ надлежащемъ направленіи: сосредоточивъ огонь своихъ батарей на участкѣ нашего боевого порядка, ближайшемъ къ большой дорогѣ, шведы ударили частью силъ на наше обходившее правое крыло, а главную массу резервовъ бросили на центръ нашего расположенія, поддерживаемые, кромѣ артилерійскаго, еще анфиладнымъ огнемъ канонерокъ изъ бухты.

Черт. № 5.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ направленіе главнаго удара было намѣчено противникомъ совершенно сообразно условіямъ боя; одного только нельзя было предвидѣть—это возможности прибытія въ эту рѣшительную минуту нашихъ свѣжихъ силъ, которыя, подоспѣвъ во время, отразили натискъ врага встрѣчнымъ ударомъ, рѣшившимъ судьбу сраженія... Графъ Каменскій, знавшій о скоромъ прибытіи этихъ войскъ, потребованныхъ имъ къ полю битвы, только поэтому и могъ рисковать вышеуказанной растяжкой...

Опасная сторона примѣненія длинныхъ, непрерывныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, не гибкихъ и крайне туго маневрирующихъ на полѣ сраженія, особенно при пересѣченности послѣдняго, до нѣкоторой степени парализовалась присутствіемъ позади сомкнутыхъ частей, ударомъ которыхъ, въ сущности, и рѣшалось столкновение. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ средство либо для нанесенія этого удара, либо—для отраженія удара непріятельскаго, причемъ послѣднее требовало, чтобы направление сего послѣдняго было своевременно разгадано. При Сикайокахъ неуспѣхъ для насъ боя обусловленъ былъ только тѣмъ, что контръ-атаку шведовъ на центръ отразить было нечѣмъ; такая же, въ общемъ, обстановка Оровайскаго боя приводитъ къ конечному успѣху, благодаря удачному вводу въ дѣло послѣдняго резерва...

Казалось бы, что при сравнительной тѣснотѣ финляндскихъ полей сраженія (напримѣръ Оровайсъ—немного болѣе 2-хъ квадратныхъ верстъ) не такъ трудно было успѣть измѣнить направленіе сомкнутой массы, чтобы предотвратить непредвидѣнный ударъ; но свойства финляндской мѣстности зачастую не даютъ возможности этого сдѣлать. Только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ возможно передвиженіе сколько-нибудь крупныхъ частей за фронтомъ боевого порядка и вообще маневрированіе резервовъ. Послѣдніе большею частью могутъ дѣйствовать только въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, прямо передъ собою; измѣненіе его требуетъ непремѣнно значительной потери во времени, хотя бы потребное для того передвиженіе и было геометрически невелико... Извѣстный уже намъ критическій моментъ боя при Куортане, когда энергичная контръ атака шведовъ на слабо-занятую нами деревню Херроя, являвшуюся какъ бы шарниромъ, соединявшимъ фронтальный участокъ съ ударнымъ крыломъ Раевскаго, всего рельефнѣе иллюстрируетъ указанное положеніе. Пришлось пожертвовать драгоценнымъ родомъ оружія—конницей и пустить ее на несвойственной ей мѣстности и въ несообразномъ строю (походная колонна), чтобы выиграть необходимое время для предотвращения грозившей опасности... Пѣхота, отдѣленная не столько разстояніемъ, сколько трудно-проходимостью мѣстности при движеніи цѣлиной, разумѣется поспѣть не могла.

Но здѣсь промежутокъ между обоими боевыми участками былъ сравнительно небольшой, и потому успѣть избѣжать вклиниванія непріятеля въ этотъ промежутокъ было все-таки возможно... По

мѣрѣ развитія нашихъ успѣховъ и соотвѣтственнаго подавленія духа у противника мы становимся смѣлѣе и въ бояхъ послѣдняго періода кампаніи (Шелефтѣ, Гернефорсъ, Севарь) рискуемъ еще больше, раздѣляя силы еще внѣ поля сраженія, направляя ихъ на противника съ двухъ различныхъ сторонъ, при нерѣдко полномъ отсутствіи связи между обѣими группами, не говоря уже о невозможности непосредственной взаимной между ними поддержки...

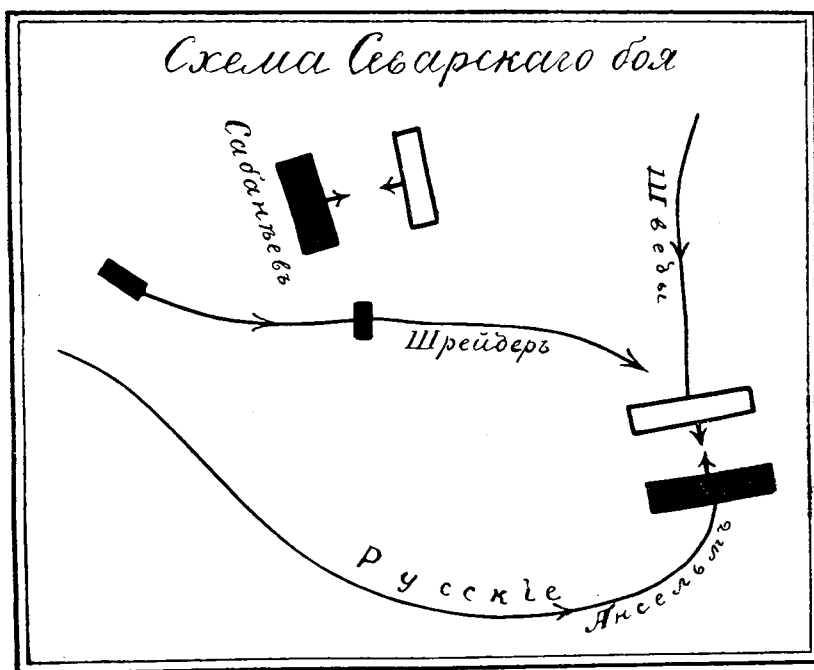
Такъ, подъ Шелефтѣ мы раздѣляемся на 2 колонны въ разстояніи, превышающемъ отъ позиціи противника полъ-перехода, причемъ обѣ онѣ совершаютъ свой маршъ-маневръ, одна берегомъ, другая по льду залива, будучи раздѣлены мѣстностью совершенно непроходимой въ поперечномъ направленіи. даже для отдѣльныхъ людей. Точно то же самое сдѣлано подъ Гернефорсомъ, но тамъ колонна Карпенкова пущена черезъ лѣсъ, считавшійся непроходимымъ и вышла едва не въ тылъ непріятелю, пассивно *ждавшему* на позиціи рѣшенія своей участи и даже не имѣвшему надлежащихъ охраненія и развѣдки... При Севарѣ Каменскій тоже дѣлитъ свой корпусъ на двѣ группы, но, въ отличіе отъ предыдущихъ боевъ, все-таки пускаетъ въ промежутокъ между ними небольшой отрядъ Шрейдера. Послѣднему, въ началѣ боя, предстояло охранять то единственное направленіе, по которому только и возможно было опасное для участи нашего все-таки рискованнаго плана атаки вклиниваніе между обѣими атакующими группами. Но пассивность шведовъ оказалась столь велика, что, заслонившись какъ съ фронта, такъ и со стороны обходной колонны Ансельми-де-Жибори, они не только не использовали опаснаго для насъ промежутка, но даже и не наблюдали его сами въ цѣляхъ собственной безопасности. Это, какъ извѣстно, и привело къ направленію нашихъ подкрѣпленій во слѣдъ Шрейдеру и приданію этой второстепенной по первоначальному плану группѣ боевого порядка активнаго значенія. Разъ шведы упустили случай дѣйствовать въ опаснѣйшемъ для насъ направленіи, и только сами втягивались въ пассивно-оборонительный бой, съ обѣими раздѣльно наступавшими нашими группами, то наиболѣе сообразнымъ съ обстановкою было поступить именно такъ, какъ сдѣлали мы въ данномъ случаѣ, т. е. самимъ вклиниться между двумя группами непріятеля, раздѣленіе котораго мы вызвали своимъ наступленіемъ съ двухъ сторонъ...

Достоинно особаго вниманія, что въ данномъ случаѣ успѣхъ былъ обусловленъ частнымъ починомъ оберъ-офицера, штабсъ-капитана Шрейдера, донесеніе котораго и просьба о подкрѣпленіи

вызвали усиленіе его небольшой заставы (1 рота)—до 6-ти ротъ. При этомъ замѣчательно, что Шрейдеръ настолько понималъ обстановку происходившаго боя, что въ своемъ донесеніи указывалъ и на тѣ результаты, которыхъ можно достигнуть, направивъ войска въ промежутокъ между обѣими шведскими позиціями...

Фактъ этотъ показываетъ, насколько къ концу войны усовершенствовались наши частные начальники, даже въ столь небольшихъ чинахъ и подтверждаетъ то весьма важное значеніе войны 1808—09 гг., на которое мы указывали въ самомъ началѣ нашихъ

Черт. № 6.

очерковъ... Значеніе это—подготовка личного команднаго состава къ послѣдующей титанической борьбѣ съ великаномъ военного искусства — Императоромъ французомъ... Финляндская война, именно по особенностямъ своихъ операций, по свойствамъ полей сраженій и проч., лучше всего способствовала выработкѣ самостоятельности и самодѣятельности, вѣрнаго военного глазо-мѣра и пр. При тогдашнихъ условіяхъ, когда не было современныхъ техническихъ способовъ сношеній, всякій, даже маленькій начальникъ, получая самостоятельное назначеніе, предоставлялся почти всецѣло своей судьбѣ и только изрѣдка получалъ инструкціи

и указанія: остальное надобно было ему восполнять личною находчивостью, рѣшимостью, опытомъ и знаніемъ военнаго дѣла...

Припомнимъ хотя бы положеніе отряда Властова во время наступленія графа Каменскаго отъ Ювяскуля вплоть до Оровайса.

Вѣдь дѣйствія Властова, предназначеннаго прикрывать справа успѣхъ операціи «главнаго корпуса» Каменскаго, были совершенно самостоятельны; единственное полученное имъ приказаніе было о выдѣленіи отряда Лукова на поддержку Каменскому и во флангъ непріятелю, такъ какъ послѣ одержанныхъ Властовымъ успѣховъ, корпусный командиръ считалъ, что для преслѣдованія разбитаго врага достаточны и вдвое слабѣйшія силы... А Властовъ былъ только полковою командиръ.

Отмѣтимъ, что въ началѣ войны проявленіе частнаго почина не всегда обходилось гладко. Примѣръ — Тучковъ I послѣ занятія Куопіо, запоздавшій двинуться на перерѣзъ отступавшимъ вдоль берега шведамъ, а потомъ высланій туда слишкомъ слабыя силы... Булатовъ подъ Револаксомъ, предоставленный самъ себѣ, подвергся отдѣльному пораженію только потому, что не разгадалъ обстановки, не будучи въ ней должнымъ образомъ ориентированъ свыше и не принявъ мѣръ для самоориентированія... Можно только сожалѣть о томъ, что частный починъ начальника Аландской колонны князя Багратіона при зимнемъ переходѣ Ботническаго залива былъ стѣсненъ присутствіемъ при колоннѣ всего высшаго начальства, главнокомандующаго Кнорринга и даже военнаго министра Аракчеева... Можно съ увѣренностью предполагать, что если бы эти лица находились въ то время гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, то война эта тутъ же окончилась бы занятіемъ шведской столицы Стокгольма...

Чтобы покончить съ боевыми столкновеніями, скажемъ еще нѣсколько словъ о своеобразномъ типѣ ихъ, специально присущемъ только Финляндіи. Это бои гребныхъ флотилій совмѣстно съ сухопутными войсками. Какъ извѣстно, въ описываемую войну бои эти не имѣли большого значенія въ общемъ теченіи ея операціи: бывшія въ шхерахъ столкновенія главнымъ образомъ сводились къ прокладкѣ нашими флотиліями себѣ пути черезъ шхерные фарватеры изъ Финскаго залива въ Ботнической. Но въ тактическомъ отношеніи указанные бои представляютъ крупный интересъ, не лишенный, быть можетъ, и современнаго значенія...

Шхерныя флотиліи состояли изъ гребныхъ судовъ разнаго вида и тина, вооруженныхъ артилеріей и, слѣдовательно, представлявшихъ собою какъ бы *подвижныя плавучія батареи*. Батареи эти обла-

дали свойствомъ совершенно отличнымъ отъ батарей сухопутныхъ, а именно *способностью* дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ не на мѣстѣ только, а и *въ движеніи*. Такимъ образомъ, столкновение двухъ враждебныхъ флотилій сводилось, въ сущности, къ взаимному разстрѣливанію, съ тою только разницей, что стрѣляющія съ судовъ орудія могли эволюционировать, мѣнять взаимное положеніе, не прекращая своего дѣйствія. Успѣхъ такихъ эволюцій, разумѣется, зависѣлъ отъ многихъ условій: отъ ширины и конфигураціи фарватера, отъ направленія и силы вѣтра, расположенія и величины ближайшихъ острововъ и мелей, отъ искусства гребцовъ и рулевыхъ и т. д.

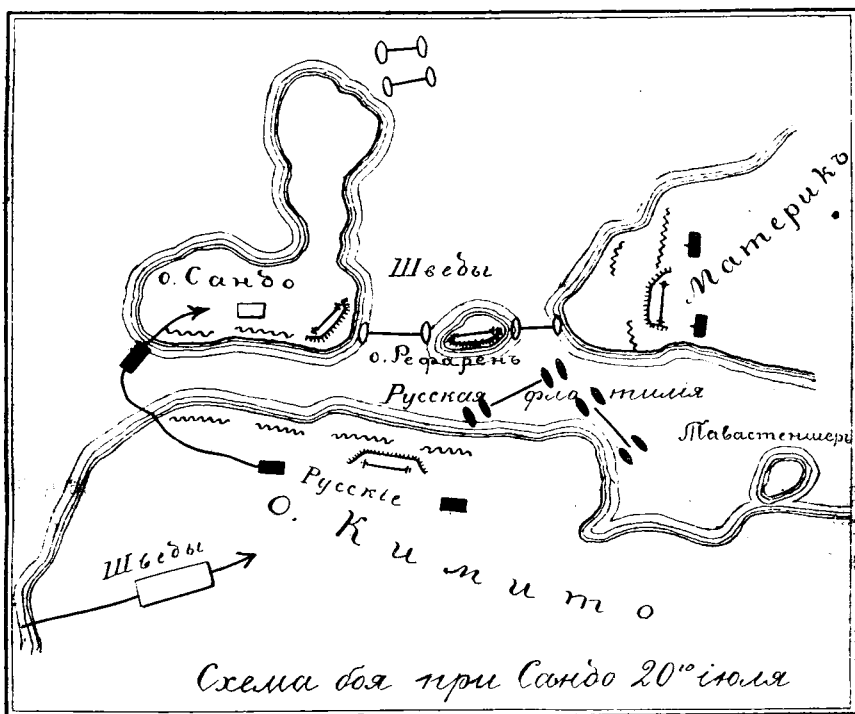
Во всякомъ случаѣ, центральнымъ боевымъ участкомъ такого боя всегда являлись двѣ сталкивающіяся флотиліи, артилерійская дуэль которыхъ и рѣшала участь боя. Но вспомогательнымъ средствомъ для достиженія успѣха въ этой дуэли было примѣненіе десантовъ въ цѣляхъ использованія *выгодныхъ свойствъ анфиладнаго и тыльнаго огня*. Мы наталкиваемся здѣсь, даже въ этихъ смѣшанныхъ операціяхъ, на все тѣ же основныя, вѣковѣчныя, неизмѣнныя свойства боевыхъ элементовъ, отъ которыхъ, какъ говорится, никуда не уйдешь и безъ яснаго усвоенія которыхъ нѣтъ и не можетъ быть правильнаго пониманія военнаго дѣла...

Такъ какъ единственнымъ оружіемъ гребныхъ флотилій являлся *огонь*, то боевымъ построеніемъ ихъ былъ всегда развернутый строй въ одну линію, иногда съ примѣненіемъ уступовъ, въ цѣляхъ неожиданнаго введенія части силъ въ дѣло изъ за закрытія противъ фланга ¹⁾. Послѣднее было возможно, разумѣется только въ томъ случаѣ, если ширина проходовъ между островами давала достаточно мѣста для маневрированія. Обратнo при ограниченности ширины фарватера, для дѣйствія на слабые и чувствительные фланги развернутой линіи гребныхъ судовъ стали *переносить огонь* на берегъ, располагая тамъ стрѣлковъ и даже батареи такъ, чтобы анфилировать строй лодокъ. Первую попытку въ такомъ духѣ мы видимъ со стороны шведовъ въ бою при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (впереди гор. Або), когда, одновременно съ атакой части канонерскихъ лодокъ на лѣвый флангъ нашей флотиліи, преграждавшей фарватеръ между островами Рунсало и Хирвасало, шведы пытались сдѣлать высадку на островъ Рунсало, чтобы оттуда фланкировать нашу линію; но предусмотрительно расположенные на этомъ

¹⁾ Напримѣръ, атака шведами нашей флотиліи при Хирвисало 22 іюня 1808 г.

островъ генераломъ Коновницынымъ стрѣлки не допустили высадки. Успѣхъ этой мѣры несомнѣнно повліялъ въ направленіи ея болѣе широкаго примѣненія въ послѣдующихъ столкновеніяхъ. При Тавастеншерѣ 9 іюля, когда къ Або пробивался 3-й эшелонъ нашего шхернаго флота подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена, на оба берега пролива между островомъ Кимито и материкомъ посланы были, по приказанію графа Буксгевдена, присутствовавшего при дѣлѣ, сухопутныя войска, стрѣлки и артиле-

Черт. № 7.

рія. Орудія были перенесены на рукахъ, взгромождены на скалы, и ихъ огонь во флангъ оказалъ, вмѣстѣ съ ружейнымъ, самое рѣшительное вліяніе на нашъ успѣхъ въ этомъ бою. 20 іюля въ бою при Сандо (нѣсколько сѣвернѣе Тавастеншера), шведы также прибѣгли къ сооруженію батарей и высылкѣ стрѣлковъ на островъ Сандо, прикрывавшій ихъ правый флангъ, а мы расположили пѣхоту и артилерію и на материкѣ, и на островѣ Кимито, еще въ большемъ, чѣмъ прежде количествѣ.

При этомъ, одновременно съ боемъ флотилій, работала на флангахъ и пѣхота. Наши двѣ роты, подъ прикрытіемъ огня артиллеріи, пользуясь мелководьемъ пролива между Кимито и Сандо, перешли его въ бродъ и атаковали во флангъ шведскія засѣки, отогнавъ отсюда непріятельскихъ стрѣлковъ и захвативъ 4 бывшихъ здѣсь орудія, которые, разумѣется, не мѣгли быть шведами увезены... Въ свою очередь шведы послали на Кимито цѣлый отрядъ, который незамѣтно высадился въ тылу у нашихъ войскъ, бывшихъ на сѣверномъ берегу этого острова. Отрядъ этотъ едва не захватилъ даже въ плѣнъ самого главнокомандующаго, пировавшаго по окончаніи успѣшнаго боя, если бы не возвратившаяся на выстрѣлы наша рота, ранѣе высланная на острова западнѣ Сандо, которая и ударила шведамъ неожиданно въ тылъ ¹⁾).

Такимъ образомъ здѣсь, наряду съ борьбой на водѣ флотилій, разыгрывается борьба между тѣми сухопутными отрядами, которые стремятся оказать вліяніе на ходъ главнаго боя, т. е. столкновенія шхерныхъ эскадръ, путемъ анфиладнаго огня съ берега. Шведская позиція на Сандо мѣшаетъ успѣху атаки нашихъ лодокъ; пѣхота наша переходитъ къ активнымъ дѣйствіямъ и «снимаетъ» эту позицію. Наша позиція на Кимито вредитъ шведамъ, и послѣдніе заранѣе принимаютъ противъ нея мѣры, но, по кружности пути, появляются слишкомъ поздно, когда главная цѣль боя уже была достигнута: шведскій гребной флотъ отогнанъ, и проходъ для нашего открытъ. Внезапность появленія шведскаго десанта, не сдѣлавшаяся роковой для главной квартиры, только благодаря *случайности* (присутствіе роты на сосѣднемъ островѣ) и частному почину *ротнаго* командира, объясняется крупною ошибкою—пребреженіемъ къ охраненію во время боя; данный эпизодъ особенно рельефно подтверждаетъ необходимость имѣть это охраненіе не только на флангахъ, но и въ тылу, даже въ такихъ случаяхъ, когда повидимому опасность съ этой стороны совершенно невѣроятна...

Итакъ, особенности условій боевыхъ столкновеній въ шхерахъ, въ силу самыхъ свойствъ водяной стихіи, рѣзко отличаются отъ боевъ на сухомъ пути. Тамъ на фронтѣ по большей части пассивныя дѣйствія огнемъ; только въ исключительныхъ случаяхъ активность, если можно воспользоваться растяжкой или разрывомъ непріятельскаго фронта; по большей же части рѣшеніе боя—на

¹⁾ См. Р. Инв. отъ 20 іюля 1908 года.

флангахъ, а порою даже въ тылу, который по мѣстнымъ условіямъ особенно чувствителенъ. Въ столкновеніяхъ шхерныхъ флотилій, наоборотъ, успѣхъ рѣшается участіемъ боя на фронтѣ, т. е. единоборства самихъ гребныхъ эскадръ между собою, а дѣйствія на флангахъ, т. е. на сухомъ пути, имѣютъ значеніе вспомогательное, примѣрно схожее съ современнымъ стремленіемъ, при большей свободѣ размѣщенія артилеріи въ боевомъ порядкѣ, искать для части ея батарей такія позиціи, которыя давали бы наивыгоднѣйшій перекрестный или анфиладный огонь, поражающій наиболѣе важные пункты или участки... По свойствамъ береговъ и шхеръ Финляндіи, позиціи, занимаемая пѣхотою и артилеріей по флангамъ фарватеровъ на которыхъ ожидается столкновение гребныхъ эскадръ, конечно носятъ неподвижный, пассивный характеръ, и только исключительныя обстоятельства (какъ на примѣръ мелкая вода въ протокѣ въ вышеприведенномъ примѣрѣ) позволяютъ и здѣсь проявить извѣстную активность. Активность эта, понятное дѣло, можетъ быть выказана и путемъ *перемѣщенія водою* цѣлыхъ отрядовъ (см. выше), но такія смѣлыя дѣйствія всегда сопряжены съ большимъ рискомъ, и чувствительность такого отряда къ своему тылу—т. е. къ своему амбаркаціонному пункту—всегда чрезвычайно велика. Въ приведенномъ выше примѣрѣ шведскій отряд Палена имѣлъ свыше тысячи человекъ и 6 орудій, обладалъ, слѣдовательно, и численнымъ превосходствомъ, и выгодами внезапности, а наши войска на Кимито были, въ сущности, безъ пути отступленія, такъ какъ средствъ перебросить ихъ быстро на материкъ (особенно пушки)—не было; тѣмъ не менѣе достаточно было *появленія* въ тылу противника одной нашей роты, чтобы всѣ эти выгоды сокрушились, какъ карточный домъ, а успѣхъ, бывший почти въ рукахъ, обратился въ смятеніе и неудачу...

Можно ли предвидѣть возобновленіе подобныхъ столкновеній при современной обстановкѣ и при нынѣшнихъ условіяхъ техники? Намъ представляется, что важность удержанія въ своихъ рукахъ водныхъ путей по шхерамъ при дѣйствіяхъ на Финляндскомъ театрѣ всегда будетъ существовать, а слѣдовательно можно предвидѣть и борьбу за обладаніе этими путями. Сказать заранее, каковы будутъ тѣ средства, которые придется примѣнить для этой борьбы, конечно, трудно. Очевидно, что это не будутъ уже гребныя суда, слишкомъ первобытныя и громоздкія, хотя и ими можно будетъ, вѣроятно, пользоваться за неимѣніемъ лучшаго.

Врядъ ли съ такою цѣлью слѣдовало бы употреблять флотилии миноносцевъ, надводныхъ и подводныхъ, такъ какъ эти сравнительно дорого стоящія суда имѣютъ вполне определенное специальное назначеніе. Вѣрнѣе всего, что быстро развивающійся водомоторный спортъ выработаетъ въ скоромъ времени специальный типъ канонерской лодки-мотора, приспособленной именно для береговой развѣдочной службы въ условіяхъ шхернаго плаванія и для охраны шхерныхъ фарватеровъ. Насколько извѣстно изъ шведской печати, въ Швеціи такіе типы лодокъ уже разрабатываются...

Обращаясь къ дѣятельности отдѣльныхъ родовъ войскъ въ бою и внѣ его, видимъ, что главною владычицею финляндскихъ полей сраженія является, конечно, пѣхота. Это видно уже изъ *соразмѣрности* ея въ общемъ составѣ отрядовъ. Напримѣръ, въ корпусѣ графа Н. Каменскаго, общій составъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, передъ началомъ его финляндской операціи, равнялся 31 іюля 1808 г., 9.500 (примѣрно) человекамъ, изъ коихъ пѣхоты было болѣе 7.000 или свыше 75%, конницы — менѣе 1000 человекъ или всего около 10%. Если считать пѣхоту съ пѣшей артилеріей вмѣстѣ, то они составляютъ отъ 80 до 90% состава каждаго отряда. Число орудій колебалось отъ 2 до 3 на 1000 человекъ.

Такимъ образомъ и соразмѣрность артилеріи была нѣсколько ниже средней нормы, что весьма понятно. Несмотря на то, что при неимѣннн въ то время средствъ, подобныхъ нынѣшнимъ пулеметамъ и при тогдашней слабости ружейнаго огня, картечный огонь артилеріи, достаточно могущественный при ограниченномъ обстрѣлѣ финляндскихъ позицій, являлся существеннымъ способомъ потрясти противника матеріально и морально и тѣмъ обезпечить успѣхъ удара, — надѣлять отряды артилеріей приходилось весьма скупо. Причинъ тому двѣ; во первыхъ — трудность передвиженія, размѣщенія и обезпеченія артилеріи въ составѣ пѣхотныхъ отрядовъ, а затѣмъ, — и самое главное — трудность *питанія* ея *боевыми припасами*... Если вообще снабженіе всѣмъ необходимымъ составляло въ Финляндіи вопросъ первостепенной важности, то это прежде всего относилось до боевыхъ припасовъ, расходъ которыхъ при здѣшнихъ условіяхъ боя былъ великъ, а получить ихъ можно было только подвозомъ съ тыла... Насколько значителенъ былъ расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ, можно судить по упорству и продолжительности боевыхъ столкновеній. Такъ бой при Куортане 20 августа (не считая авангарднаго боя наканунѣ) продолжался съ 2 часовъ дня до поздняго вечера. Оро-

вайскій бой—съ 8 часовъ утра до 11 часа ночи; Севаръ—съ 7 часовъ утра до 4 часовъ пополудни. Въ тѣ времена, при малой величинѣ дерущихся отрядовъ и короткости разстояній (не болѣе 7—8 тысячъ съ каждой стороны на пространствѣ 2—4 квадратныхъ верстѣ) такую продолжительность должно признать весьма значительной, и несомнѣнно, что она зависѣла отъ упорства именно огнестрѣльнаго, подготовительнаго періода боя.

Артилерія играла въ этотъ періодъ боя преимущественную роль. Стрѣлковыя цѣпи, прикрывавшія фронтъ сражающихся, нерѣдко поглощавшія собою (какъ мы видѣли) даже всю пѣхоту отряда, вели обыкновенно перестрѣлку другъ съ другомъ; ихъ огонь, разредоточенный почти равномѣрно по всему фронту, значенія въ дѣлѣ подготовки успѣха почти не имѣлъ.

Что же касается огня артилеріи, то его назначеніе было не столько въ томъ, чтобы подавить вражескую артилерію или потрясти сильными потерями непріятеля, сколько въ томъ, чтобы обратить на себя огонь возможно большей части непріятельскихъ орудій, т. е., какъ выражаются и теперь, приковать къ себѣ противника и тѣмъ обезпечить успѣхъ обходящихъ частей... Какъ только обходъ или охватъ назрѣвалъ, или (какъ подъ Оровайсомъ) приближался моментъ рѣшительной контръ-атаки резервомъ, артилерія усиливала свой огонь до крайности, дѣйствуя въ силу необходимости не по тому участку позиціи, который намѣчался для удара, а по сосѣднимъ...

Маневрированія артилеріи на полѣ сраженія не было; мѣстность придавала ея дѣйствіямъ позиціонный характеръ. Расположеніе, занятое ею въ началѣ боя, обыкновенно сохранялось неизмѣннымъ и почти всегда было приближено къ лучшимъ дорогамъ, чтобы обезпечить своевременный увозъ орудій въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему обходныя колонны по большей части обходились безъ артилеріи; исключеніе—Куортане, гдѣ Раевскому приданы двѣ пушки въ разобранномъ видѣ, и Шелефте, гдѣ Алексѣевъ везъ за собою пушки по льду на саняхъ. Отсюда ясно, насколько велико въ настоящее время значеніе въ Финляндіи пулеметовъ и горной артилеріи, которые пройдутъ всюду за пѣхотой...

Рѣшительный успѣхъ въ бояхъ того времени достигался исключительно штыковымъ ударомъ; но финляндскіе бои именно и поучительны въ томъ отношеніи, что ударъ этотъ всегда производился послѣ надлежащей *подготовки*, въ чемъ бы послѣдняя ни

выражалась, въ огнѣ, или въ соответствующемъ маневрѣ. По условіямъ мѣстности, всегда атаковали не иначе, какъ во взводныхъ колоннахъ ротъ. Только шведы въ началѣ войны употребляли для атаки развернутый строй, но уже скоро отъ него отказались, и при Куортане, Оровайсѣ и др. они, подобно намъ, атакуютъ исключительно въ колоннахъ... Эти ротныя колонны, строй достаточно гибкій, поворотливый и удобопримѣнимый къ мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій достаточною сомкнутостью и послушный волѣ начальника, какъ разъ соответствовали той пересѣченной мѣстности, на которой приходилось вести атаки. Такимъ образомъ и этотъ, рѣшительный періодъ боя лежалъ преимущественно на младшихъ начальникахъ, главнымъ образомъ ротныхъ командирахъ; старшимъ начальникамъ приходилось только указывать цѣль, воодушевлять войска, пуская ихъ въ дѣло, а уже самая работа въ бою была всецѣло въ рукахъ офицеровъ... Бой при Карстула, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, боевой порядокъ атакующаго разбился на три отдѣльныя самостоятельныя группы, вѣроятно, потому именно и оказался «офицерскимъ дѣломъ», какъ его прозвали въ арміи, что именно при этихъ условіяхъ атаки работа младшихъ офицеровъ всего болѣе выдѣлилась.

Что касается конницы, то ея спеціальной работы въ эту войну сравнительно мало видно, главнымъ образомъ потому, что она, по тогдашнимъ своимъ свойствамъ, не могла быть употребляема въ Финляндіи такъ, какъ это соответствовало бы особенностямъ этого театра военныхъ дѣйствій. Атака въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ возможна здѣсь только въ видѣ исключенія, а между тѣмъ наша конница того времени утратила тѣ свойства, которыя были присущи ей въ вѣкъ Петра и Екатерины: она перестала быть самостоятельной. Въ Финляндскую войну ея дѣятели не ушли въ этомъ отношеніи дальше своего времени, даже такія лица, какъ Кульневъ и Денисъ Давыдовъ не сумѣли оцѣнить того преимущества, какое давало бы въ наши руки примѣненіе на этомъ театрѣ именно старинной Петровской системы «корволантовъ» для широкаго воздѣйствія на *непріятельскія сообщенія*. Конницу въ эту войну мы преимущественно держали въ резервѣ и лишь въ видѣ исключенія бросали ее, какъ Кульневъ и Каменскій при Куортане, для выполненія въ сущности несвойственныхъ ей задачъ (атака на окопы у моста черезъ рѣчку Нисо 19-го августа и на д. Херроя 20-го, см. «Военный Сборникъ» № 2 1909 г., стр. 22 и 25). Расчетъ тутъ былъ, конечно, на психологическое воздѣйствіе неожиданнаго по-

явленія конницы въ противорѣчащей ея природнымъ свойствамъ обстановкѣ... Зимой 1808 года конницею еще пользовались (налетъ на Гельсингфорсъ, дѣйствія Силина на флангъ боевого порядка по льду залива, у Кульнева во всѣхъ бояхъ до Сипкайоки включительно), но именно только какъ средствомъ для нанесенія удара холоднымъ оружіемъ. Въ качествѣ органа развѣдки конница почти совершенно въ эту войну не работала. Вообще—развѣдка была у обѣихъ сторонъ обоснована почти исключительно на шпионствѣ мѣстныхъ жителей, служившихъ обѣимъ сторонамъ. Свѣдѣнія эти не провѣрялись конницею, и часто на нихъ обосновывались цѣлыя предпріятія (напримѣръ, наступленіе наше 22-го іюля на Гернефорсъ). Иное видимъ у Петра Великаго и его генераловъ въ 1712—1714 годахъ (см. А. З. Мышлаевскій «Война въ Финляндіи въ 1712—1714 гг.).

Предвзятое мнѣніе о непригодности конницы для дѣйствій въ Финляндіи держится у насъ, главнымъ образомъ, на основаніи опыта войны 1808—09 гг. и только потому, что отъ конницы требуютъ лишь выполненія *одной* изъ ея задачъ, выпуская изъ вида всѣ другія.. Плоды такого пониманія вещей мы видѣли еще недавно въ Маньчжуріи, гдѣ наша превосходная по количеству и качествамъ конница почти бездѣйствовала только потому, что на театрѣ войны преобладала горная мѣстность... О примѣненіи дѣятельности самостоятельной конницы въ тылу и на флангахъ противника во время боя, о работѣ ея на сообщеніяхъ противника, объ использованіи ея главныхъ свойствъ: быстроты, неуловимости и независимости, не подумали у насъ въ 1808—09 годахъ, совершенно также какъ и въ недавнемъ прошломъ... Единственнымъ оправданіемъ такому забвенію свойствъ конницы, неподражаемо мастерски использованному у насъ только Петромъ и Меншиковымъ, а на западѣ—сѣвероамериканцами, можетъ служить одно немаловажное обстоятельство—*трудность ея прокормленія*. Но это обстоятельство оправдывало, въ сущности, только то, что конницы нельзя было взять больше; оставленіе же ея безъ употребленія и преимущественно въ хвостѣ колонны или при резервѣ только затрудняло для нея же продовольственный вопросъ. Наоборотъ, широкіе рейды конницы для захвата важныхъ пунктовъ въ тылу у противника, разрушенія переправъ, уничтоженія транспортовъ, магазиновъ и т. п., наконецъ, для болѣе быстрого содѣйствія фронтальной атакѣ, были бы вполне осуществимы, ибо требовали движенія лишь по дорогамъ. А они *облечали бы* разрѣшеніе вопроса

о прокормѣ, такъ какъ позволили бы пользоваться мѣстными средствами съ болѣе широкаго района..

Остается, въ заключеніе, упомянуть еще о крайне важномъ и особенно рѣзко проявившемъ себя въ эту войну вопросѣ объ управленіи войсками на театрѣ войны... Высшее командованіе, въ лицѣ графа Буксгевдена, а позже—Кнорринга, не пользовалось въ Петербургѣ довѣріемъ, а близость столицы къ театру военныхъ операцій облегчала вмѣшательство въ нихъ свыше. Опытъ кампаніи 1805 и 1807 годовъ не подсказалъ правильнаго въ этомъ отношеніи рѣшенія; достаточно было первыхъ неудачъ Буксгевдена, поставленнаго обстановкою въ крайне трудное, чтобы не сказать болѣе,—безвыходное положеніе, чтобы на него обрушилось недовѣріе, выразившееся сперва въ тайномъ и явномъ контролѣ, а затѣмъ—и во вмѣшательствѣ... Ненормальность впослѣдствіи установившагося порядка управленія, когда, въ періодъ зимней за-Ботнической операціи, главнокомандующій былъ только номинальнымъ, а всѣмъ распоряжался Аракчеевъ, или въ періодъ командованія Барклая-де-Толли, когда графъ Каменскій въ Вестрботніи самостоятельно сносился съ Петербургомъ—въ поясненіяхъ не нуждается.

Другимъ крупнымъ тормазомъ, препятствовавшимъ успѣшному ходу совмѣстныхъ сухопутно-морскихъ операцій, на который мы въ своемъ мѣстѣ указывали, было отсутствіе единоначалія надъ ними... Галерный флотъ частью находился въ полномъ вѣдѣніи главнокомандующаго графа Буксгевдена (то, что составило нашу военную добычу), частью былъ какъ бы откомандированъ въ его распоряженіе (то, что послано на театръ войны изъ Кронштадта). Впослѣдствіи, обѣ части эти соединились вмѣстѣ и находились въ распоряженіи сухопутнаго командованія, но подчинялись также специальнымъ распоряженіямъ своего морского начальства. На этой почвѣ возникалъ рядъ пререканій (о которыхъ упоминалось въ своемъ мѣстѣ), по причинѣ коихъ гребной флотъ, послѣ того какъ благополучно пробился къ Або, въ сущности, ограничилъ свою дѣятельность развѣдывательною службой по обезпеченію юго-западнаго побережья Финляндіи отъ высадокъ; а въ кампанію 1809 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же, нимало не содѣйствуя трудной задачѣ организаціи питанія нашихъ войскъ, оперировавшихъ въ западной Ботніи.

Что же касается корабельнаго флота, то его неудачное выступленіе въ 1808 году, завершившееся закупоркой въ Балтійскомъ

портъ, не оказало сухопутнымъ операціямъ нужнаго имъ содѣйствія: противникъ сохранилъ за собою всецѣло господство на морѣ, наши морскія силы не могли безпренятственно проникать изъ Финскаго залива въ Ботнической, и поэтому къ побережью приковывалось все время несоразмѣрно значительное количество нашихъ войскъ. Въ результатъ—затяжка мирныхъ переговоровъ и необходимость произвести рядъ повторныхъ и, въ сущности, робкихъ наступательныхъ операцій въ Вестрботніи, имѣвшихъ цѣль весьма ограниченную: частными успѣхами повліять на ходъ дипломатическихъ пререканій въ Фридрихсгамѣ...

Если бы дѣйствія обѣихъ категорій флота были болѣе слажены съ сухопутными операціями и если бы адмиралъ Ханьковъ дѣйствовалъ болѣе быстро и энергично, то рѣшительный успѣхъ, хотя бы надъ однимъ только шведскимъ флотомъ (до прихода англійскаго), создалъ бы намъ на морѣ совершенно другое положеніе, которое въ значительной степени развязывало бы намъ руки на сушѣ. Въдѣ собственно говоря въ кампанію 1809 года противникъ не использовалъ какъ слѣдуетъ своего благоприятнаго на морѣ положенія только въ силу того страннаго способа содѣйствія своему союзнику, который избрали англичане. Дѣйствія ихъ въ Балтійскихъ водахъ совершенно напоминаютъ одновременныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ Австріи въ качествѣ союзниковъ Наполеона... Не будь этого, обстановка лѣтней кампаніи 1809 года была бы для насъ гораздо болѣе сложной и трудной, чѣмъ въ предшествующемъ году, и неуспѣхъ зимней экспедиціи былъ бы весьма чувствителенъ.

Нашъ очеркъ войны 1808—09 годовъ со Швеціей законченъ.

Ислѣдованіе архивныхъ данныхъ, безъ сомнѣнія, прольетъ новый и весьма обильный свѣтъ на тѣ или другія подробности, дастъ возможность правильнѣе и точнѣе охарактеризовать отдѣльныхъ дѣятелей эпохи, оцѣнить военно-историческое значеніе того или другого отдѣльнаго факта. Въ такихъ поправкахъ—и весьма крупныхъ—нуждается не только одна эта, но и безусловно всѣ наши войны. Правильный путь, намѣченный въ русской военно-исторической наукѣ незабвеннымъ Д. О. Масловскимъ, въ сущности, едва лишь начать прокладкою, и цѣлые огромные періоды нашего военно-историческаго прошлаго ждуть, чтобы окутывающая ихъ туманная завѣса была отдернута... Необходимость тщательнаго и кропотливаго труда въ этомъ направленіи безспорна не только въ интере-

сахъ науки и въ цѣляхъ патріотическихъ, но и по чисто-практическимъ побужденіямъ. Уроки исторіи—самые драгоцѣнные уроки. А тѣмъ событіямъ, которые развернулись передъ взоромъ нашихъ читателей въ предшествующемъ нашемъ изложеніи,—неровность и шероховатость котораго да не будутъ вѣнены намъ въ вину, ибо главную нашу задачу была *срочность* работы,—нельзя никоимъ образомъ отказать въ практической поучительности...

Военное значеніе Финляндіи велико и никогда не перестанетъ быть таковымъ, покамѣстъ, по мысли и волѣ Великаго Преобразователя и полководца, столица Имперіи занимаетъ свое нынѣшнее положеніе... Этимъ значеніемъ опредѣляется всецѣло и практический интересъ того прошлаго, которое смотритъ на насъ въ верницѣ событій, разыгравшихся сто лѣтъ тому назадъ...

«Прошлое—для будущаго», таковъ могъ бы быть девизъ, который всего умѣстнѣе было бы поставить въ заголовкѣ нашихъ очерковъ...

И поэтому лучшею наградою для насъ было бы сознаніе, что тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ скромный безпритязательный трудъ нашъ хоть въ чемъ-либо принесъ или принесетъ практическую пользу, помянутъ насъ добрымъ словомъ!

П. А. Кивѣ.

г.б.